

Научно-исследовательская статья

УДК 174.8; 140.8

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-258-112-126

АНАЛИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФЕНОМЕНЕ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ И ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК

Андрей Алексеевич Сухов

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

suhovandrei@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3722-0050>

Аннотация. В статье рассматривается феномен труда в рамках производственных и потребительских процессов. Философия труда широко представлена в научных исследованиях. Динамика современного общества преобразовывает содержание трудовых практик. Представлен анализ феномена труда с позиции производства и потребления. Феномен изучается в рамках деятельностного подхода и материалистической идеологии. Описана эволюция представлений о трудовых практиках в обществе. Раскрыта специфика труда в сфере производства и потребления. Утверждением труда в обществе выступает глобальный процесс индустриализации. Труд приобретает новые качества и характеристики, меняется его общественное значение и переосмысливается ценность для человека и общества. Капиталистическое общество вызывает ряд существенных деформаций труда. Развивается феномен отчуждения труда. Анализируется проблема труда в современном обществе изобилия. Акцент делается на потребительской сфере. Анализируются аксиологические основания труда. Крайняя форма потребительских процессов в обществе обозначается как культура выбрасывания результатов труда. Анализируется содержание труда на поле цифровых трансформаций в обществе. Дается обзор мировых трендов в части сущностных основ труда. Описывается взаимовлияние труда и сформированной им среды. Делается вывод о необоснованном снижении роли труда в структуре общественных отношений.

Ключевые слова: труд, философия труда, производство, потребление, культура потребления, общество изобилия, социальные практики

Для цитирования: Сухов А. А. Анализ представлений о феномене труда в контексте развития производственных и потребительских практик // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2026. № 2 (58). С. 112–126. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-258-112-126>

Scientific research article

UDC 174.8; 140.8

DOI: 10.24412/2078-9238-2026-258-112-126

ANALYSIS OF THE CONCEPT OF LABOR IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF PRODUCTION AND CONSUMER PRACTICES

Andrey A. Sukhov

Moscow City University,

Moscow, Russia,

suhovandrei@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3722-0050>

Abstract. The article examines the phenomenon of labor within the framework of production and consumer processes. The philosophy of labor is broadly presented in scientific studies. The dynamics of the modern society transforms the content of labor practices. An analysis of the phenomenon of labor from the position of production and consumption is presented. The phenomenon is studied within the framework of the activity approach and materialistic ideology. The evolution of representations of labor practices in society is described. The specifics of labor in the sphere of production and consumption have been revealed. The global process of industrialization provides the strengthening of labor in society. Labor acquires new qualities and characteristics, its social significance changes and its value is rethought for the person and society. Capitalist society imposes on labor a series of essential deformations. The phenomenon of the alienation of labor is developing. The problem of labor in a modern society of abundance is analyzed. Emphasis is placed on the consumer sphere. The axiological foundations of work are analyzed. The extreme form of consumer processes in society is defined as the “culture of throwing out” the results of labor. The content of work on the field of digital transformations in society is analyzed. An overview of world trends is given in part of the nature basis of labor. Describes the mutual influence of labor and the environment formed by it. A conclusion is made about the unjustified reduction of the role of labor in the structure of public relations.

Keywords: labor, philosophy of labor, production, consumption, culture of consumption, society of abundance, social practices

For citation: Sukhov, A. A. (2026). Analysis of the concept of labor in the context of the development of production and consumer practices. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, (2 (58)), 112–126. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2026-258-112-126>

Введение

Актуализация темы труда перманентно присутствует на любой стадии развития общества. Трудовые отношения и образующиеся по их поводу связи являются существенным компонентом современного жизнеустройства и во многом формируют культурную детерминанту общества. Исследовательское поле феномена труда в области гуманитарных наук включает такие сферы, как философия труда, отчуждение труда, религиозные представления о труде, этику труда, экономику труда, экологию труда и пр. Динамика современного общества преобразовала институт производства, изменив структуру и ряд существенных компонентов труда. Производство и потребление как парные зависимые процессы находят отражение в трудовых отношениях людей. Но если в процессе производства труд занимает одну из ключевых позиций и является главным двигателем экономики, то в потреблении его роль размыта и неявна.

Методология

В изучении труда обычно господствует деятельностный подход. Представление о сущности труда складывается преимущественно в рамках материалистической идеологии. Марксистская концепция позволяет проанализировать существенные основы труда в логике производства и потребления. Системный характер труда делает возможным применение ретроспективного и компаративистского подходов.

Результаты исследования

В научном дискурсе основная проблема труда связана с взаимоотношениями человека и природы, где центральным звеном являются сознание и воля человека. В сфере производства и потребления труд затрагивает множество процессов, механизмов, стратегий. Цикл производства и потребления задает логику всем включенным в него элементам: если в производстве труд овеществляет, объективирует, то в потреблении он распредмечивает, субъективирует.

В научной литературе тема труда обычно поднимается в рамках экономической теории и права. Помимо этих сфер проблематику труда также рассматривают социология, философия, политология, психология и др. Сложно выделить какую-либо исследовательскую деятельность человека, которая не использовала бы понятие труда и не извлекала бы из него новые смыслы.

Сущность труда в экономической теории заключается в осознанной, целенаправленной деятельности человека по созданию какого-либо материального или идеального продукта, за который выплачивается вознаграждение. При этом

сегодня широко распространены виды активности человека, которые не предполагают участия денег, где взаимозачеты осуществляются бартерным способом (ведение домашнего хозяйства, волонтерство, уход за детьми и пожилыми). Кроме этого, труд — это акт воздействия на окружающий мир в целях добычи благ в процессе «обмена между человеком и окружающей его действительностью» [Хохлов, 2007, с. 10].

Социальная философия понимает труд как волеизъявление. При этом в научной литературе подчеркивается, что исчерпывающее определение такого феномена, как труд, дать невозможно, поскольку его значение и объем входящих в него видов деятельности непрерывно изменяются и расширяются. Труд играет решающую роль в становлении и развитии отдельного человека и человечества в целом, поскольку имеет деятельностную основу и считается специфической цивилизационной характеристикой общества.

В отечественных теоретических исследованиях отмечается диалектическая взаимосвязь материальной и духовной культуры труда: сознание и действия человека постоянно согласуются между собой и в итоге в процессе труда человек создает то, что он идеально представляет, придает идее материальный облик [Михайлова, 1999; Соловьев, 2012; Шадриков, 1982].

С появлением и развитием капиталистического способа производства проблемный характер труда входит в круг основных вопросов философии. Исследование отношения к труду и его легитимацию в обществе следует начать с зарождения человеческой цивилизации. В контексте производства и потребления существенные характеристики труда обнаруживаются в явном виде в период индустриализации. Причем труду уделяется равная доля внимания как при капиталистическом, так и при социалистическом способе производства. Взяв в качестве отправной точки XIX в., на который приходится начало глобального процесса индустриализации, следует сперва понять, что способствовало становлению феномена труда и каковы были предпосылки его возникновения.

В представлениях мыслителей эпохи Античности ручной труд земледельцев и ремесленников носил явный, открытый и созидательный характер. Он был на виду, поскольку полисный способ существования поддерживал жизнь всех горожан. Такой подход к организации труда демонстрирует стойкую позицию древних греков в отношении совместного труда: уважать и ценить свой и в особенности чужой труд, не допускать излишеств (Сократ, Платон), брать столько, сколько нужно (Гесиод, «Труды и дни»). Как отмечают исследователи М. К. Петров [Петров, 1996] и Л. Б. Четырнова¹, в древнегреческом обществе отношение к труду отражалось в мифологии. Она объединяла людей, природу и богов в рамках одной концепции мироздания. Миф как бы аккумулировал социальный опыт людей. Там репрезентировался эталон, отсюда эксплицировались механизмы труда, определялась его ценность. В этой деятельностной среде человек приобретал

¹ Четырнова Л. Б. Философские проблемы труда в постсовременном обществе: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета. 2023. 80 с.

нравственные качества, усваивал мотивы. В качестве основного мотива труда исследователи выделяли потребность в добыче средств к существованию. Позже эта особенность легла в основу концепции отчуждения труда.

В контексте производства и потребления Платон и Аристотель различали хозяйственную деятельность, то есть телесный труд, направленный на удовлетворение физиологических нужд человека, и познавательную активность — деятельность по «производству» души (созерцание, преследующее истинные цели). Они утверждали, что удовлетворение потребностей тела без параллельного процесса удовлетворения потребностей души способно культивировать в человеке дурное, ненасытное начало, делая человека рабом, в первую очередь самого себя.

В период распространения христианской идеологии труд рассматривался в контексте учения о Боге, мире и человеке. В культуре Средневековья вера имела фундаментальное значение в конструировании и структурировании социальной действительности. Крестьянин, так или иначе, находился в подчинении у церкви, которая рассматривала труд как средство спасения и очищения души от человеческих страстей: так, усилия конструируют человеческую душу и закаляют тело, воздерживают его от праздности. Подобная антропологическая позиция показывает, что, с одной стороны, труд выступает формой контроля, с другой — раскрывает сущность человека, обогащает его как творца. Христианская идеология различает производительный труд, подчиняющийся нужде (поэтому тягостный), и созерцательный, то есть свободный от желаний, условий, обстоятельств. Цель труда — обуздать гордыню, не дать ей развиться еще в зародыше: стоит воздержаться от чрезмерного тяготения и прославления того, что сделано руками человека, в мирских делах следует уповать на Божью волю. При этом, очевидно, что труд, лишенный своей самоценности, будет приносить не радость и удовлетворение, а неприятие и отторжение.

Так, материально-предметный труд, обусловленный «низшими» потребностями человека, идеологически подчинялся созерцательному труду, который предполагал стремление к высшему идеалу. Христианская модель существования и развития общества предполагала верховенство Божьего над земным и, соответственно, подчинение любой деятельности, включая производственные и потребительские процессы, религиозным догмам, соблюдение которых приближало наступление царства Божьего на Земле.

При этом не только религиозная идеология составляла жизнь человека и определяла ее направление. Зарождение и развитие производственных отношений, распространение принципа рационализации, внедрение достижений науки и техники, новые социальные практики (развитие торговли, появление новых профессий) — все это меняло представление людей о труде. Он стал отождествляться с творением — а человек считался творцом своего собственного мира. Легитимация повседневной жизни людей привела к легитимации производительного труда. Религиозное представление о феномене труда пересекалось с практиками производительного труда в части определения мотивов

деятельности человека. Идея избранности Богом присутствовала в протестантской этике, где упорный и успешный труд всячески поощрялся.

В эпоху роста промышленного производства классики политэкономии Адам Смит, Давид Рикардо, а также позитивист Джон Стюарт Милль определяли труд как усилия, потраченные для производства благ (вещей); следовательно, «цена всякого предмета, то есть то, что каждый предмет действительно стоит тому, кто хочет приобрести его, есть труд и усилия, нужные для приобретения этого предмета... от которых он может избавиться себя и которые он может возложить на других людей» [Смит, 1935, с. 30]. Так, труд трактуется как источник стоимости; следовательно, может выступать в качестве особого товара. Неоклассики политэкономии (Альфред Маршал, Джон Бейтс Кларк) закрепили модель рынка труда как рынка факторов производства, где зарплата определяется предельной производительностью труда. Идеи поздних экономсоциологов (Карл Поланьи, Пол ДиМаджио, Ричард Сведберг, Вивиана Зелизер) не только развивались в русле экономических взаимоотношений, но и включали феномен труда в социокультурный контекст общества. Это означает, что люди могут придавать труду ценность, выходящую за рамки личной выгоды, основываясь на культурных нормах.

Феномен труда не ограничивается только внешним проявлением, во многом он затрагивает внутренний мир человека. Например, по Гегелю труд — это аутентичный способ отрицания человеком самого себя, принимающий форму свободы (от самого себя). Именно труд заставляет человека непрерывно изменяться, не быть себе тождественным: «Этот труд есть поэтому первое внутреннее действие, [направленное] на себя самого, вполне нечувственное занятие и начало свободного возвышения духа, ибо он имеет здесь предметом себя — гораздо более высокий труд, чем ребяческие занятия внешними, чувственными или нарисованными картинами, растениями, животными» [Гегель, 1970, с. 296]. Гегель пишет: «Труд [есть] труд, погруженный в бытие; ...отчуждение [Entaeusserung]... В труде я непосредственно делаю себя вещью, формой, которая есть бытие. Это свое наличное бытие я тоже отчуждаю и сохраняю себя в нем» [1970, с. 327]. Конкретный труд, напротив, есть забота человека «о большей части или о целокупности своих потребностей» [1970, с. 366].

Критический метод Гегеля используется Карлом Марксом при анализе философии труда. По Марксу, труд — это деятельность человека по созданию потребительных стоимостей, «процесс, происходящий просто между человеком и природой» [Маркс, 1983, с. 355]. Также Маркс использует идею труда как способа реализации внутренней свободы человека, средство его самореализации и утверждения родовой, универсальной сущности. Созидательный труд позволяет раскрыть и развить способности человека, удовлетворить его стремление к творчеству. По Марксу, труд является фундаментальной основой исторического процесса, «вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом» [Маркс, 2010, с. 357]. В эпоху общества изобилия эти характеристики труда проявляются не только в производстве, но и в потребительской сфере. Поле практик самореализации

интенсивно заполняется самыми различными моделями поведения, включающими как привычные телесные экспозиции (одежда, интерьер), так и новые цифровые отпечатки (соцсети, каналы, подписки, игры).

В рамках материалистического понимания истории Маркс, обращаясь к двойственности труда, меняет ранее рассмотренные Гегелем значения абстрактного и конкретного труда. Так, абстрактный труд — всеобщий, усредненный, а потому ничей; конкретный же труд — это персонализированные усилия человека. Маркс заключает, что когда человек попадает в рамки действующей социально-экономической системы, он вынужден подчиниться ее законам и редуцировать часть своего труда, выраженного через категорию стоимости: «...определяя стоимость товаров, общественный процесс производства упраздняет разнообразие конкретного труда и оставляет в качестве нормы измерения ту пропорцию необходимого абстрактного труда, которая содержится в товаре. Вывод Маркса о том, что стоимость товара определяется количеством абстрактного труда, общественно необходимого для воспроизводства, представляет собой фундаментальное положение его трудовой теории стоимости» [Маркузе, 2000, с. 380–381].

Маркс развивал свою теорию в эпоху промышленных революций, которая отражала экономическую ситуацию того времени. Рыночный способ производства предлагал простой механизм взаимодействия двух социальных классов: буржуазия предоставляла капитал (средства производства, ресурсы и пр.), пролетарии нанимались к ней на работу. В результате такого механизма образовалась форма эксплуатации и закрепощения работников. Вложенный труд экспроприировался, изымался в форме продукта. Результат труда больше не принадлежал рабочему, он принадлежал собственнику средств производства. Труд приобретал угнетенный характер, что влекло за собой форму «отчужденного от самого себя труда, которому созданное им богатство противостоит как чужое богатство, его собственная производительная сила — как производительная сила его продукта, его обогащение — как самообеднение, его общественная сила — как сила общества, властвующая над ним» [Маркс, 1983, с. 268]. Если учесть, что труд есть родовая сущностная основа человека, то в данном случае отчуждается «часть» самого рабочего, его природная, естественная составляющая, «поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самими собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. У себя он тогда, когда он не работает, а когда он работает, он уже не у себя. В силу этого труд его не добровольный, а вынужденный; это — принудительный труд» [Маркс, 2010, с. 328]. Маркс рассматривает труд в рамках категории отчуждения, ситуации, при которой продукт деятельности и отношений человека объективируется, «противостоит ему как превосходящая сила и превращает его из субъекта в объект ее воздействия»².

² Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет: В. С. Степин [и др.]. М.: Мысль, 2010. Т. 3. С. 181.

Отчуждение труда также выражается в противопоставлении людей и вещей (товарный фетишизм). В процессе обмена создается иллюзия, что вещи будто бы самостоятельно вступают в отношения между собой без участия человека, хотя на самом деле они лишь опосредуются вещами. Маркс в «Капитале» пишет, что «фетишистский характер товарного производства порождается... своеобразным общественным характером труда, производящего товары. Предметы потребления становятся вообще товарами лишь потому, что они суть продукты независимых друг от друга частных работ. Комплекс этих частных работ образует совокупный труд общества. Так как производители вступают в общественный контакт между собой лишь путем обмена продуктов своего труда, то и специфически общественный характер их частных работ проявляется только в рамках этого обмена» [Маркс, 1983, с. 71]. При развитом капитализме сохраняется высокий риск деградации самого процесса производства, а следовательно, и потребления. Неупорядоченный выпуск вещей создает массу «чуждых сущностей, под игмом которых находится человек» [Маркс, 2010, с. 595]. Вследствие этого сам человек становится «расчетливым рабом нечеловечных, рафинированных, неестественных и надуманных вожелений» [Маркс, 2010, с. 595].

Если Маркс позиционирует производственную жизнь человека как истинно родовую, то в эпоху общества изобилия, когда производство количественно и качественно растет, можно наблюдать некоторое смещение фокуса в сторону сферы потребления, которая приобретает черты родовой сущности человека. Тяжесть производственного труда сменяется «тяжестью» потребительских практик: человек утопает в изобилии вещей, созданных ему в помощь, на деле же закрепощающих его. Так, Фридрих Энгельс отмечал: «Если человек наукой и творческим гением подчинил себе силы природы, то они ему мстят, подчиняя его самого, поскольку он пользуется ими» [Энгельс, 1961, с. 303–304]. Вследствие такого затоваривания возникает необходимость принимать меры по обработке и утилизации вышедших из эксплуатации вещей. Это ставит перед обществом новые вызовы, ведь подобные меры не должны идти во вред ни самим вещам, ни человеку, ни окружающей среде.

Глубокий анализ труда как категории философии можно найти в работах русского мыслителя С. Н. Булгакова. Решая проблему труда, он обращается к сфере хозяйствования человека, где труд является сущностным фактором деятельности. Принимая во внимание то, что человек есть часть природы, Булгаков отмечает, что его труд носит надприродный характер. При этом силы природы выступают одновременно и средством, и объектом человеческого труда. Во взаимодействии происходит объективация субъекта, ибо он «дан нам лишь во взаимодействии с объектом <...> я в мире или природе, а природа во мне» [Булгаков, 1993, с. 125]. «Хозяйство есть трудовая деятельность <...> Хозяйство, по существу, включает в себя человеческий труд во всех его применениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета <...> Мир как хозяйство — это мир как объект труда, а постольку и как продукт труда» [Булгаков, 1993, с. 86–87].

Труд здесь выступает «живой связью между субъектом и объектом, мостом, выводящим я в мир реальностей и неразрывно соединяющим его с этим миром, является труд, — человеческая актуальность, объективирующаяся вовне и тем объективирующая для нас этот мир» [Булгаков, 2009, с. 134]. Центральная идея труда по Булгакову — это очеловеченная природа: «Природа, достигнув в человеке самосознания и способности труда над собой, вступает в новую эпоху своего существования» [Булгаков, 2009, с. 143]. Такая позиция также характерна для античной культуры и культуры Средневековья. По мере углубления и утверждения в обществе идей рационализма природа и человек расщепляются на объект и субъект. Жизнь, как отмечает Булгаков, «предстала лишь как мир отношений, а не сущностей, как механизм причин и следствий». [Булгаков, 1993, с. 23]. Это проявилось отнюдь не случайно, ознаменовав эпоху промышленных революций и распространения идей экономического материализма.

Булгакову удалось развить философию хозяйства (а вместе с ней и концепцию труда как главную ее составляющую) до предела, придав ей способность преодолевать смерть. При развитии хозяйства увеличивается продолжительность жизни человека, устраниваются болезни, голод, нищета. Труд способен победить как телесное увядание человека, так и духовное. Хозяйство, как пишет Булгаков, «есть победа организующих сил жизни над дезорганизующими силами смерти и делами ее» [Булгаков, 2009, с. 80].

Современные практики производства отличаются от ситуации в обществе индустриальной эпохи. Разница главным образом состоит в том, в каких условиях запускаются производственные процессы. Если в индустриальный период преобладала стратегия выживания, то есть производилось и потреблялось столько, сколько необходимо, то с развитием общества изобилия в середине XX в. эта стратегия гипертрофировалась в крайнюю форму — стратегию паталогического потребления, при которой значительная часть произведенных вещей становилась излишком, в итоге отрицавшимся и подлежащим выбрасыванию. Люди привыкают избавляться от вещей, что порой превращается в соревнование. Так называемая культура выбрасывания явилась следствием затоваривания и ориентацией социально-экономической системы на непрерывный, количественный рост, что сформировало экономику сферы услуг. Похожую ситуацию предсказывал Жан Бодрийяр в своей работе «Зеркало производства» (1973). Он полагал, что постоянное воспроизводство приводит к ситуации избыточности и отражается в растущей значимости символического потребления и виртуализации экономики (симулякров) [Baudrillard, 1975, с. 144–145]. Снимая одну из форм отчуждения труда, когда не стоит вопрос о выживании, человек оказывается в сфере активного потребления. Он реализует себя как потребитель и действует в личных интересах, пытаясь утвердиться и состояться в этой роли. Тут ему противостоит мощная производственная сфера рыночной экономики с ее незыблемыми приоритетами в части извлечения выгоды.

Сегодня различные международные организации³ фиксируют беспрецедентные случаи выбрасывания вещей, не утративших своих потребительских свойств (или вовсе не бывших в употреблении), что стало масштабной социальной проблемой: нужда и выживание одних соседствует с праздностью и расточительством других. В этой связи труд человека находится в уязвимом положении. При избытии вещей и упрощенном доступе к ним их ценность падает. Следовательно, усилия людей по их производству также попадают в зону безразличия потребителей. Условия действующей социально-экономической системы изменили потребительские практики, принявшие характер так называемой культуры выбрасывания. Дальнейшее уничтожение вложенного труда происходит в сфере потребления. Так, в потребительской среде сохраняются как традиционные практики, проявляющиеся в естественном употреблении результатов труда, так и искаженные, заключающиеся в безразличии и обесценивании усилий людей. Люди действуют рационально, с позиции выгоды, и зачастую приобрести новую вещь дешевле, нежели починить старую. Распространение различного рода форм безразличия дезориентирует общественные отношения и не оставляет места для развития и созидания. Если при разумном потреблении сохраняется возможность возникновения нового на месте разрушенного (отрицание отрицания), то есть труд оценивается по достоинству, то при потреблении ради потребления (отчужденное потребление) отрицается сам факт существования этого труда. Таким образом, возникает дополнительная форма отчуждения труда, выражающаяся не в акте использования вещей, а в акте их игнорирования и отрицания всего, что с ними может быть связано.

Такое тотальное пренебрежительное отношение к труду есть бич современной, технологически развитой цивилизации. В контексте бесконечности и бессмысленности труда (когда его результат утрачивает всякую цель и полезность) вспоминается древнегреческий миф о Сизифе, в котором тяжкие усилия не вознаграждаются по достоинству, а приобретают характер отчужденной деятельности, подчиняющей человека, превращающей его из субъекта в объект, и являются наказанием. Это повторяет ситуацию с феноменом отчуждения в индустриальную эпоху (К. Маркс), когда оно выступает общим символом, обозначающим отрицательность мира, в смысле господства над людьми независимых от них сил. Данное проявление несовершенства мира и разрушение его руками человека есть существенное противоречие общественной жизни.

³ Агентство по охране окружающей среды (США), Публичная правовая компания «Российский экологический оператор», Ellen Macarthur Foundation («A New Textiles Economy»). См. об этом: Fletcher K. 2010 Slow fashion: an invitation for systems change fashion practice. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.2752/175693810X12774625387594> (дата обращения: 30.11.2025); All-wood J. M. [et al.]. Well-dressed? The present and future sustainability of clothing and textiles in the United Kingdom. URL: https://www.researchgate.net/publication/282249347_Well_Dressed_The_Present_and_Future_Sustainability_of_Clothing_and_Textiles_in_the_United_Kingdom (дата обращения: 30.11.2025).

Современные исследователи социологии труда отмечают факт его отчуждения в результате разделения труда. В работе Питера Людвиг Бергера и Томаса Лукмана «Социальное конструирование реальности» (1966) показано, что усвоение социальных норм и ролей происходит в том числе в рамках профессиональных групп и сообществ (вторичная социализация). Человек конструирует социальную реальность через взаимодействие и привыкание (хабитуализация), а затем эта реальность формирует самого человека через социальные институты и разделение труда. «Как мы видели, специализация знания и сопутствующая ей организация персонала, управляющего теми или иными специализированными системами знания, развиваются в результате разделения труда. В качестве ранней ступени такого развития представима ситуация, когда нет конкуренции между различными экспертами. Каждая область экспертизы определяется прагматическим фактом разделения труда. Эксперт по охоте не претендует на роль эксперта по рыбной ловле, а потому у него нет оснований конкурировать с последним» [Бергер, Лукман, 1995, с. 190–191].

Немецкий культуролог и философ Георг Зиммель рассматривает труд и творчество через пространство культуры человека. По Зиммелю, культура складывается из субъективного развития человека и объективных культурных ценностей, которые он создает. Их гармоничный синтез составляет культуру общества. Трудясь, человек совершенствуется сам и совершенствует продукт, но это развитие происходит неравномерно. Зиммель пишет: «В эпоху всеобщего развития и разделения труда культурные достижения обретают некую самостоятельность, вещи делаются все совершеннее, духовнее, целесообразнее по внутренней логике предметов, что не сопровождается таким же культивированием субъекта» [Зиммель, 2014, с. 301]. Зиммель считает принцип разделения труда ключевым фактором «отставания» человека от созданных им вещей: «окажется ли субъект в состоянии вновь извлечь вложенные сюда затраты духа и жизни с целью собственного прогресса или же при этом окажется удовлетворенной некая в высшей степени периферическая потребность» [Зиммель, 2014, с. 293]. Разделение труда обезличивает и работника, и произведенный им продукт, превращая и первое, и второе в серую массу. Вслед за производством, заключает Зиммель, обезличивается и объективируется потребление (массовое потребление).

В XXI в. существует немало практик, которые позволяют снять или хотя бы существенно ослабить противоречия по поводу эксплуатации человека человеком, следовательно, снизить градус напряженности в отношении отчуждения труда. На почве цифрового капитализма упрощается доступ к средствам производства («длинные» и дешевые кредиты, легкость овладения инструментарием, относительно свободная ресурсная база), упраздняются бюрократические схемы, широко внедряются и распространяются практики творческого труда, когда получаемый продукт сохраняется у создателя, наемный труд носит облегченный характер по сравнению с предыдущими периодами (нормы времени, средства труда и пр.), совершенствуются правовые механизмы новых форм

занятости населения (самозанятые, фрилансеры, внештатные исполнители), позволяющие легитимировать практически любую деятельность. Так, человек стремится снять отчуждающие оковы труда и приблизиться к идеалу человеческой свободы.

Творческий, неотчужденный труд очерчивает новые онтологические рамки. Он не привязывается к конкретной персоне, пространству или времени. Контекст современных трудовых отношений требует от человека непрерывного саморазвития, гибкости, умения работать в команде, отличных коммуникативных навыков [Morgan J., 2014].

Немецкий социолог Ульрих Бек в своем исследовании «Общество риска: на пути к другому модерну» (1944) подчеркивает трансформацию структуры труда: от массового серийного производства, стирающего границы и различия, до ручного, персонифицированного труда, способного удовлетворить индивидуализированные потребности человека. Так, труд персонализируется и выходит за рамки социальных институтов (семья, образование, производство). Бек отрицает устоявшуюся схему профессионального пути человека, которая обеспечивала социальные гарантии и стабильный доход. Вместо этого внедряется проектная («фрагментарная») деятельность, предполагающая персональную ответственность, адаптивность и автономию. Таковую парадигму Бек обозначает как общество риска, где многократно повышается вероятность наступления ситуации неопределенности [Бек, 2000].

Концепция технотрудовой структуры Джона Кеннета Гэлбрейта, описанная в его работе «Общество изобилия» (2018), рассматривает труд как инструмент поддержания и расширения производства и потребления. Он считает, что влияние крупных корпораций настолько велико, что они активно манипулируют рынком труда через рекламу и дешевые кредиты, превращая труд в механизм для обеспечения прибыльности, а не просто удовлетворения потребностей общества [Гэлбрейт, 2018].

При этом труд также претерпевает цифровую трансформацию. Повсеместное внедрение языковых моделей нейросети способно нивелировать субъективность работника, а с ней и ценность труда некоторых профессиональных групп (сценаристов, актеров дубляжа, дизайнеров и пр.). В связи этим возникает ряд вопросов экономического, этического, правового и социального характера. Профессиональные навыки работников, выступающие как средства производства, экспроприируются и эксплуатируются без должного на то согласия их носителей. Подобные практики уже не редкость и зачастую способны заменить реальный труд человека.

Нынешний тренд на технологическую оптимизацию труда средствами машин различного уровня интеллектуальности носит двоякий характер: с одной стороны, появляется масштабное поле профессиональной самореализации, с другой — замена не человеческим трудом рутинных операций, составляющих фундамент любой профессии, компрометирует трудовые усилия значительной части населения Земли. Социологические исследования на эту тему

показывают, что труд для некоторых профессий вполне может быть сведен к периферийной деятельности.

Любая профессия предполагает наличие социально видимых и социально невидимых действий. Например, певец, исполняющий произведение на сцене, и тот же певец, разучивающий свою партию при подготовке к выступлению, прилагают определенные усилия, осуществляя труд, работу. Исследователи рассуждают на тему того, что в итоге будет заменено автоматизацией: «Основой образа автоматизации становятся именно видимые элементы профессий, причем, как правило, благоприятно видимые» [Кловайт, Ерофеева, 2019, с. 69], хотя на самом деле замена человеческого труда нейросетью представляется возможной в обоих случаях. С одной стороны, анализ объема продаж, проводимый искусственным интеллектом (ИИ), становится основой для принятия менеджером управленческих решений, с другой — возможности ИИ, например, в части постановки медицинского диагноза зачастую превосходят человеческие. В этой ситуации «людям остаются социальные навыки и уровень профессионального мастерства» [Кловайт, Ерофеева, 2019, с. 75] (переговоры, убеждение, забота).

Заключение

Онто-гносеологический контекст труда человека изменялся по мере развития и усложнения общества. При этом усилия и стремления людей к воспроизводству составляют существенную часть жизни общества, где репрезентируются экономические, социальные, духовные отношения. В рамках глобальных производственных процессов и потребительских практик труд теряет естественное свойство персональности, он не перестает существовать, но игнорируется и его значение снижается в современной сложноорганизованной социально-экономической среде. При этом преодолеваются ранние формы отчуждения труда (труд ради выживания, изъятие результатов труда), но порождаются новые.

Список источников

1. Хохлов Е. Б. Труд как философская и правовая категории // Российский ежегодник трудового права. 2007. № 3. С. 7–31.
2. Михайлова Т. М. Труд: опыт социально-философского изучения. М.: Academia, 1999. 184 с.
3. Соловьев В. С. Оправдание добра / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012. 656 с.
4. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности / отв. ред. К. А. Абульханова-Славская. М.: Наука, 1982. 185 с.
5. Петров М. К. Историко-философские исследования / сост., введ. ст. В. Н. Дубровина, Ю. Р. Тищенко. М.: Росспэн, 1996. 510 с.

6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: в 2 т. / пер. с англ. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. Т. 1. 371 с.
7. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. / пер. с нем. М.: Мысль, 1970. Т. 1. 668 с.
8. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. / пер. с нем. И. И. Скворцова-Степанова. М.: Политиздат, 1983. Т. 1. 592 с.
9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы / пер. с нем. М.: Академический проект, 2010. 775 с.
10. Маркузе Г. Разум и революция: Гегель и становление социальной теории / пер. с англ. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2000. 542 с.
11. Энгельс Ф. Об авторитете // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 18. С. 302–305.
12. Булгаков С. Н. Соч.: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. 603 с.
13. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
14. Baudrillard J. The mirror of production / translated with “Introduction“ by M. Poster. St. Louis: Telos Press, 1975. 167 p.
15. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
16. Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни / пер с нем. М.; СПб: Центр гуманитарных инициатив: Университетская книга, 2014. 392 с.
17. Morgan J. The future of work: attract new talent, build better leaders, and create a competitive organization. Hoboken, New Jersey: John Wiley & Sons, 2014. 256 p.
18. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция. 2000. 383 с.
19. Гэлбрейт Дж. К. Общество изобилия / пер. с англ.; науч. ред. С. Д. Бодрунов. М.: Олимп – Бизнес. 2018. 404 с.
20. Кловайт Н., Ерофеева М. Работа в эпоху разумных машин: зарождение невидимой автоматизации // Логос. 2019. Т. 29. № 1. С. 53–84.

References

1. Khokhlov, E. B. (2007). Labor as a philosophical and legal category. *Russian Yearbook of Labor Law*, 3, 7–31. (In Russian).
2. Mikhaylova, T. M. (1999). *Labor: an experience of social and philosophical study*. Academia. (In Russian).
3. Solov'ev, V. S. (2012). *Justification of kindness* (O. A. Platonov, Ed.). Institut russkoy tsivilizatsii; Algoritm. (In Russian).
4. Shadrikov, V. D. (1982). Problems of systemogenesis in professional activity (K. A. Abulkhanova-Slavskaya, Ed.). Nauka. (In Russian).
5. Petrov, M. K. (1996). Historical and philosophical research (V. N. Dubrovina, Yu. R. Tishchenko, Comp.). Rosspen. (In Russian).
6. Smith, A. (1935). An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations in 2 vol. (Trans.; vol. 1). Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. (In Russian).
7. Hegel, G. W. F. (1970). *Works of different years in 2 vol.* (Trans.; vol. 1). Mysl'. (In Russian).

8. Marx, K. (1983). *Capital: A critique of political economy in 3 vol.* (I. I. Skvortsov-Stepanov, Trans.; vol. 1). Politizdat. (In Russian).
9. Marx, K. (2010). *Economic and philosophic manuscripts of 1844 and other early philosophical works* (Trans.). Akademicheskii proekt. (In Russian).
10. Marcuse, H. (2000). *Reason and revolution: Hegel and the rise of social theory* (A. P. Shurbelev, Trans.). Vladimir Dal'. (In Russian).
11. Engels, F. (1961). On authority. In Marx, K., & Engels F. *Works in 50 vol.* (Trans.; vol. 18, pp. 302–305). Gospolitizdat. (In Russian).
12. Bulgakov, S. N. (1993). Philosophy of economy. In Bulgakov, S. N. *Works in 2 vol.* (vol. 1). Nauka. (In Russian).
13. Bulgakov, S. N. (2009). *Philosophy of the economy* (O. Platonov, Ed.). Institut russkoy tsivilizatsii. (In Russian).
14. Baudrillard, J. (1975). *The mirror of production* (M. Poster, Trans.). Telos Press.
15. Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *The social Construction of Reality: a treatise in the sociology of knowledge* (E. D. Rutkevich, Trans.). Medium. (In Russian).
16. Simmel, G. (2017). *Selected works. Contemplation of life* (Trans.). Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga. (In Russian).
17. Morgan, J. (2014). *The future of work: attract new talent, build better leaders, and create a competitive organization.* John Wiley & Sons.
18. Bek, U. (2000). *The risk society: towards a different modernity* (V. Sedel'nika, N. Fedorovoy, Trans.). Progress-Traditsiya. (In Russian).
19. Gelbreyt, Dzh. K. (2018). *The society of abundance* (Trans.; S. D. Bodrunov, Ed.). Olimp – Biznes. (In Russian).
20. Klovait, N., & Erofeeva, M. (2019). Work in the era of smart machines: the emergence of invisible automation. *Logos*, 29, (1), 53–84. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Андрей Алексеевич Сухов — преподаватель-исследователь Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия.

Andrey A. Sukhov — Teacher-Researcher of the Institute for the Humanities, Moscow City University, Moscow, Russia.

suhovandrei@mgpu.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3722-0050>